

АЛЕКСАНДАР ЛЕЙБО

ДЕТСАА

Александр Лейбо

Дедсад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41830130

ISBN 9785449644657

Аннотация

Ничего интересного – родился, пожил, умер... А интересно – до, между и после... Интересно, как? Если на самом деле, то хотя бы в конце концов?

Содержание

Дедсад	5
Подвал	16
Кровать	21
Шестой	34
Параполитическая среда	41
Спонсоры...	48
Фурор	56
Жизнь замечательных...	69
Горцы	69
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Дедсад

Александр Лейбо

© Александр Лейбо, 2019

ISBN 978-5-4496-4465-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дедсад

Опоздали на две недели. Ремонт закончился во вторник и до следующего вторника вонял густой масляной краской от стен, натянувших длинные, непрерывные юбки. Двери же были похожи на новобранцев, с замёрзшими сучками по филёнке. С остальным повезло...

Электрический свет был прост и доступен. Вода распределена по трубам и температуре. Особенно ничего не бросалось в глаза, и глаза вели себя уединённо и не развлекались поиском деталей. Всё как будто казалось на месте...

И место приказало себе не перевоплощаться, жить за счёт собственной определённости и никого не подводить на сей счёт. Несмотря на то что здание было одноэтажным, у него оказалась своеобразная биография и архитектурная история.

Абсолютно точно... и то, и другое уже мало кто знал, но что делать: оно уже третий век дежурило на этом свете и опять умудрилось пригодиться? Ему сделали «ботокс», «пилинг-шмилинг», убрали токсины, почистили кишечник и поставили новые сосуды, поменяли фамилию, имя и отчество. Это значит, что может скоро произойти запланированная встреча между незнакомым временем и его представителями.

Вокруг вернувшего свою красоту и полновесную моло-

дость уважаемого сооружения стояло озеро зелени, растущей здесь в ширину и глубину местной, упрощённой ботаники.

Учреждение решили открывать без социального освещения. «Осветителям» пришлось работать в редакциях, совсем с другими словами – власть оказалась парализованной то ли своей решительностью, то ли скромностью.

Люди, существующие внутри власти, придумали то, что не проходило ни в какие ворота, более того, таких ворот не было нигде в обозрении.

Таким образом, пришлось внутри власти пошущукаться и прийти к мнению: пока ничего не освещать. И не зря... Со всем недавно по специальным каналам прошло сообщение, что в одной оригинальной стране якобы пытаются обогнать нас в области гуманизма, неожиданно заплутавшего на территорию старости.

С другой стороны, бояться было нечего, поскольку всем хорошо известно: кто бы где ни старался, а у нас всегда лучше... особенно старость...

Наша старость – лучшая в мире. Для непредсказуемого доказательства этого и придумали, мало того – построили первый в мире дедсад.

Иван Петрович Берзень скатился в своей родословной до полного обрусения, а после пятидесяти зацепился только за звание подполковника МВД в отставке. В своё время это помогло ему завести семью и получить государственную

квартиру.

Так что от «латышских стрелков» давно уже не осталось даже порохового запаха. Предложение возглавить первый в мире «гумпроект» такого рода подогнал бывший сослуживец Пшиковец, который давно обитал внутри власти и как-то вдруг, неожиданно порадел. Первый в мире дедсад!

– А почему нет? – сказал Берзень Пшиковцу.

– Пока планируем одну группу, максимум человек пятнадцать, но смешанную, – стал пояснять Пшиковец.

– По возрасту?

– Нет. По полу.

– Да чего там? В старости один пол – старость! – решил пошутить Иван Петрович.

– Это ещё надо посмотреть. Да, финансирование тоже смешанное – основная часть ложится на самих «воспитанников».

– Скажешь тоже... «воспитанников»?

– Ну не курсантов же? Или пациентов?

– Может быть, «пенсов»?

– А это ещё что за морковь? – улыбаясь, заинтересовался

Пшиковец.

– Пенс – мелкая монета. Человек, который ничего не стоит или мало что стоит на самом деле. Ну, тот, у кого пенсия – пенс?

– Иван Петрович, а ты с фантазией. Хотя и дело само, надо сказать, такое же... Короче говоря, принимай дедсад, а вме-

сте с ним и всемирную славу!

Хотя осечка всё же состоялась. Как ни усердствовали таджикские строители, вовремя не получилось – опоздали на две недели. Зато собрался персонал, съехались, словно родственники, в одно место и по общему для всех призыву – поддерживать старческую немощь и бороться с деменцией.

Всего набралось шесть человек во главе с Берзенем.

«Пенсов» записалось двое – пока двое – на всё Старково, но лихо само начало: это всё-таки пилотная часть, чем чёрт не шутит? И потом, надо помнить ещё и то, что Старково находится под мышкой у самого Москватыря. Начало, как и положено, было поручено понедельнику, поскольку у него был самый большой опыт и стартовые способности. Эти двое... ничего не знали о друг друге, но были похожи... по капризам предстательной железы. Хотя не только в общефизическом и анатомическом смысле, а в большей степени с хронологической стороны. Оба давно промышляли тем, что сторожили своё время и приглядывали за временем вообще.

Посмотришь, и сразу видно – вот они, ещё живые, но устаревшие привычки достопамятного. В восприятии такие люди обычно плохо увязываются с будущим и легко ассоциируются с плохо передвигающейся плохой памятью. При всём дефиците жизненного времени – времени некуда девать. Это приводит к сращиванию с мягкой мебелью, к гипнозу телевизионных экранов и позиционированию себя в амплуа теплокровных экспонатов семьи или её руин.

– Отец? Я тебе нашёл... Папа? Ты спишь? Папа! – пытался разыскать за очками отца – своего отца – Захар Петрович.

– А! – сказал папа.

– Что «а», папа? Я нашёл тебе работу. Ты хотел ходить на работу?

– Ты, что шутишь?

– Там ты будешь работать и отдыхать. У тебя будут там товарищи...

– И Саркиз Аванесович?

– Откуда? Тебе ещё и Саркиза Аванесовича?

– Тогда по хер!

– Отец, ты опять? Дети услышат. Учись говорить: «хрен»!

Не хер, а хрен! Я тебя сколько раз уже просил?

– Хрен так хрен, какая разница? Захар, ну ты и артист!

– Есть в кого, папа! Я не шучу! С завтрашнего дня начнём, утром отвожу, вечером забираю. Не понравится, уволишься.

День рождения дедсада произошёл тихо и, можно считать, с момента появления Бушманского, доставленного в учреждение его сыном Захаром Петровичем. Захар Петрович был хорошим сыном и оплатил папу, дабы не запускать свой долг перед человеком, прикованным к нему генеалогической цепью.

– Ну что, дети мои, будем с вами работать! – весьма неожиданно для первого знакомства заявил Бушманский. Коллектив предусмотрительно улыбался и решил согласить-

ся на любое предложение вполне ещё жизнеспособного человека. Удивление было общим и перемешалось с рукопожатиями.

– Вы у нас первый, но велика вероятность, что прибудет и Самолапов. Сейчас позвоню, уточню, – сказал Берзень. – Рад нашему знакомству!

– Папа, я поехал. Надеюсь, по поведению будет пятёрка? – похлопал по плечу Захар Петрович и уехал в суету сует общественной жизни.

– Шутник! У меня никогда в жизни не было пятёрки по поведению.

Вот таким образом дедсад и заработал вокруг единственного дедо-человека по принципу человеко-дня. В определённом смысле: день прошёл, и слава богу.

Не успел Бушманский о чём-нибудь подумать, даже захотеть это сделать, как произошло ещё одно явление. Появился «космонавт номер два» – Самолапов. Его привела молодая девушка в халате положительно белого цвета, посадила рядом с первым и приковала их время к телевизору.

– Итак, нас уже двое! – произнёс Самолапов сквозь рабочую речь светящегося квадрата.

– Двое! – подтвердил первый. – А ты кто?

– Я? Я – никто! А ты?

– А хе-хрен его знает. Есть одно смутное предчувствие, что ещё человек, но уже какой-то дефективный. Вообще то я про имя.

– Ага... Денис Иванович Самолапов.

– Денис Иванович, а я Петя Бушманский. Мне сказали, что для простоты общения тут можно и без отчеств обходиться. Дедсад ведь всё-таки?

– Понял, ну тогда – Дениска! Может, каких-нибудь ещё родителей дети подвезут? Не знаешь, Петруха?

– Никогда не называй меня Петрухой, ты ещё бы меня Петрушкой назвал! Я же не собираюсь тебя рифмовать с мальчиковым пенисом. Сам понимаешь? Хотя сразу говорю – подмывает!

– Ладно, я не хотел! Девочек не хватает, скажи?

– Чего не хватает? Да ты прямо шмель какой-то? Девочек ему не хватает! Жена-то у тебя есть?

– Есть.

– Каким образом она тебя одного отпустила в такое загадочное место? Это мне можно, я парень холостой и безрасудный, готов к любви и всяческим приключениям, не влияющим на кровавое давление.

– Петя, если что, ты-то, надеюсь, меня не сдашь?

– Не дрейфь, Дениска! Ты же всё-таки самец по самой природе, поэтому у тебя и мечты самца. Куда бежать от предназначений природы? А вообще-то ты прав! Девочек не хватает. Что это у нас за группа, из двух пацанов?

Человеко-день незаметно следовал за ними, иногда немного опережая, а иногда чуть ли не теряя их из виду.

– Всё хорошо? – спросил у них проходивший мимо Бер-

зень.

– Послушайте, вы что, Макаренко? – поинтересовался Петья.

– Вроде того! – засмеялся управляющий.

– Скажите, пожалуйста, когда нам девочек завезут? – не выдержал Дениска.

– Не нам, а тебе! – уточнил первый.

– Тебе надо, чтобы группа была чисто мальчиковой? – спросил второй. – Мне если надо, я Захару скажу, так он сюда столько барышень навезёт, всем хватит! Товарищ Макаренко, вам какие больше нравятся?

– Ну, ребята, вы даёте! Я вижу, мне с вами повезло! – засмеялся Берзень и ушёл, разговаривая со своим телефоном.

К шести часам вечера за ними приехали дети и развезли их по домашним очагам. «Пенсы», вдохновлённые переменами жизни и ощутившие крадущиеся к ним перспективы откуда-то появившейся заботы, заинтриговали свою физическую и духовную перспективу.

Через десять дней вводная часть эксперимента не только удалась полностью, но и даже переудалась, на одного человека. Группа укомплектовалась успешно – шесть «пенсов» и десять «пенстарс».

Администрация срочно наращивала персонал, поскольку «хором» из шестнадцати человек они ходить или спать не умели, но требовали к себе щепетильности и пофамильного уважения. И что?

Появилась текучесть, которая изменила вязкость времени, ежедневная трясина взялась и зацвела, а само болото жизни незаметно задвигалось и расслоилось так, что кое-где из него уже можно было напиться. «Пенстарс» были разношёрстными, а «пенсы» – разномастными. Разница существовала для понимания её необходимости, например для того, чтобы всё познавать в сравнении. Отношения между ними натянулись свободные, поскольку никто никому был не нужен и никто никому не должен. Странное это возникло товарищество, когда времени у каждого было с избытком, а вообще – угрожающе мало...

И сама собой задача оказалась одна – бороться за продолжительность жизни. А поскольку не только шестнадцать «пенсотектов», но и всё население земного шара, за исключением буддистов, или дзен-буддистов, или ламаистов и типа того, – были не кто иные, как чистокровные экспериментаторы, проживавшие каждый свою историю впервые... Задача оказалась одна – не подходить близко к обрыву и вообще стараться в эту сторону не смотреть. Стало быть, всякий живущий на земле не кто иной, как экспериментатор, испытатель судьбы и личные результаты любого экспериментатора-испытателя всегда шли ему в зачёт и персональное дело, а потом уже в биографию. Условия и могли, и менялись, принципы же – никогда. Бог следил за этим непрерывно и даже учредил, для безупречной широты контроля, самые различные инстанции.

За кажущейся массивностью и историзмом процесса всё учитывалось подробно и обязательно, и даже появлялись мнения, что дотошно. Тем не менее у каждой канцелярии свои правила, а у небесной канцелярии – принципы. «Пенсы» разбились на две тройки, а «пенстарсы» структурировались по настроению, погоде или тематике и разгулу воспоминаний. Хотя среди них высунулись и особенно одарённые, те, что стремились расположиться не только на своей, но и на чужой половине поля. И у них это получалось, не встречая особого возражения у патриархов.

Основные процедуры жизни были всем хорошо знакомы: три раза поесть, один раз поспать и один раз поучиться китайской гимнастике. Остальное – свободное время, полностью походило на общую независимость, поскольку, невзирая на заготовленные заранее мероприятия по досугу, оно прожигалось всей группой по собственному усмотрению, как душе будет угодно. Кто-то утопал в зелени и старался её размножить, ковыряясь в стихийно организованных грядках. Кто-то разбирался в хронических и острых заболеваниях мировой политики, предлагая свои рецепты, готовые микстуры, хирургическое вмешательство и даже ампутацию или трансплантацию органов для особо выдающихся политиков и их политических родственников. Были и «индивидуальные предприниматели» – один художник, художникам рознь, одна поэтесса с силуэтом разъевшейся кошки и один шахматист – историк своей жизни.

После майских праздников Захар Петрович поинтересовался у старшины рода и по совместительству отца и автора его отчества – нравится ли ему теперь его существование? И тогда отец показал сыну свой дневник, который стал писаться по странному желанию, свойственному самому дневнику, и в котором написалась новелла с названием «Подвал». Захар Петрович с осторожностью прочёл одно только название, и этого ему хватило, чтобы похвалить литературное начинание главного Бушманского из всех живущих в обозримом настоящем.

Подвал

С виду кажется: всё как всегда... Так же, как всегда, но любое сравнение на пользу простейшей непредсказуемости, и это человека уличает во всезнайстве и подкалывает его за позу мудрости. День складывался так, что от него было что ожидать. Все метеорологические показатели были подобраны таким образом, что самочувствие запоминалось настроением, а оно подбрасывало ощущение не до конца прожитой молодости. Итак, мы опустили в себя второй завтрак и вышли с ним на прогулку. Я заметил, что шахматисту нравилось быть шахматистом, и он уже мог жить за счёт этого образа.

С утра ему захотелось рассказать мне проснувшийся в памяти биографический факт, и я притворился слушать... Мы решили «загулять» это дело, в четыре ноги разминая ракушку крупного помола.

Теперь все аллейки и даже тропинки озвучивали любое перемещение «пенсообразного» существа. Шахматист уже начал подтаскивать первые фразы и выбирать стиль, как тут я заметил летящую на «бреющем полёте» Светлану Андреевну.

Она шла лоб в лоб, и мы посторонились, чтоб не дай бог... как две аэродромные вороны, не попасть ей в работающие двигатели. Поравнявшись, она включила «реверс» и произ-

несла:

– Бушманский, можно тебя на минуточку?

– Конечно, можно... – сказал я, и мы отошли от повисшего в самом себе шахматиста.

– Пётр! Не мог бы ты проводить меня в подвал? – спросила она по секрету.

– Мог бы... Просто проводить или с намёком?

– Посмотрим! Я там уже была, но одной – не в кайф!

– Интересно?

– А то? Хоть покурим спокойно...

– Я не курю! И никогда не курил! – произнёс я в заявительной форме.

– Гестапо любит таких девственников, как ты, Бушманский. Уговорит тебя предать Родину – и ты закуришь! Кольцами! Не дрейфь – это я для красного словца!

– Понятно... Эх, Светлана Андреевна, если бы ты знала, как я мечтал когда-то научиться курить кольцами!

– Сама недавно научилась, у внучки, – сказала она, и мы подошли к десятиступенчатому спуску в учебную «аудиторию».

Большой жизненный опыт подсказывал, что подобные помещения живут под гнётом заточённого в них барахла, которому отсрочили приговор к исполнению и позабыли. Каким-то образом это напоминало человеческое существование.

– Здесь и свет есть, только осторожней... Справа, сразу

за дверью включатель, – подсказывала Бушманскому Светлана Андреевна.

И действительно, включатель и электрический свет обнаружились одновременно.

– Вот так! – обрадовался я успеху – теперь знаю, где находится выключатель.

– Где?

– Потом покажу...

– Как ты думаешь, нас никто не видел?

– Видел – не видел, давай кури уже!

– А ты не будешь? – удивилась Светлана Андреевна.

– Я решил стать пассивным курильщиком.

– Пётр, а за компанию? – сказала она и предложила сигарету.

– Я за компанию уже стою головой в паутине. Светлана Андреевна, поджигайтесь уже!

Дым пошёл из женщины красивый, а какой ещё может выходить дым из женщины? Несколько лучей, берущих своё начало на солнце, с интересом проникли в подвал через узкое застеклённое окошко и удостоверились, что вместе с дымом летает облако поблёскивающей пыли. Всё вместе вызвало у меня кашель, а курильщица продолжала набирать в себя порции и, манипулируя губами, запускать сиреневые бублики.

– Так, хватит, я уже накурился. Пойду послушаю шахматиста, – сказал я.

– Всё, ты не заводной какой-то! – упрекнула меня женщина-ингалятор.

– Не пойму, чего ты так шифруешься? Взрослая ведь тётка.

– Тётка? – переспросила она.

– О, бог ты мой! Девушка! Конечно же, девушка! – вывернулся я.

– Бушманский, ты чуть не ошибся во мне!

Мы вышли на свет божий, и кислород божий сразу же переметнулся к нам поближе.

– Куда это все подевались? – вооружившись очками, спросила Светлана Андреевна. А достался этот вопрос природе, которая смогла меня тут же припрятать за стволом коренастой липы.

– Бушманский, ты где? – покрутила своим очкастым «радаром» разрушительница здоровья и объявила миру, что я трус и сволочь. – Бушманский, хватит, выходи!

В ответ я перестал дышать, и тут же эту функцию взяло на себя дерево. Получилось вполне органично и показательно с точки зрения единства мира и его взаимообусловленности. Надо было только мембрану листа приклеить на рот.

Один из пролетавших мимо воробьёв невольно подтвердил это предположение.

– Подождите, я сейчас помогу партизану, – сказал он коллегам. – Слышишь? Больше минуты она не выдержит, потерпи, уже на крыло становится...

– Как это на крыло? Она что? Она кто? – зачирикал я ему вопросы.

– Как кто? Похожа на человека, а по сути – муха! Всё, улетела, можешь выходить!

– Спасибо! Ты смотри её не трогай, она же пока ещё тётка, а на муху, может быть, только учится?

– Не переживай, на наш век насекомых хватит...

– А на наш век... тёток!

Стоило выйти на вид, и сразу попался на глаза, потом на другие глаза, «пенсоиды» принялись обставлять своими фигурами полуденное время, играющее с процветающим пространством.

Кровать

Послеобеденный сон – святое дело... «Девчонки» довели эту «нотную паузу» до деликатного посапывания и неистощаемых «исторических» разговоров. Запасы историй были неисчерпаемы, но если даже они имели свойство повторяться, то другое свойство имело свойство не замечать то самое свойство. Вот такой весёлый маразм, претендующий на способ мышления и стиль жизни современников-старожилов.

«Пацаны» храпели без всяких церемоний, по какому-то праву или сложившемуся преимуществу пола и возраста. Таким образом, наши фонетические излияния приобрели черты симфонизма, и от их доказательств с двух сторон обили на старый манер двери. Звукоизоляция восторжествовала, и администрация привыкла.

Всё было бы ничего, если бы не полковник, который на самом деле был генералом, но коллективное сознание, по ошибке разжаловав его, не стало заниматься восстановлением справедливости.

«Полковник» не жаловался в министерство обороны и частенько говорил, как и я: «Один хер!»

Как-будто мы с ним однополчане. Короче говоря, таких «херомантов», как мы, оказалось двое. Молва утверждала, что «санитаркой» в полку могла быть Светлана Андреевна, которая вообще-то плохо поддавалась хронологии и научно-

му анализу и могла скрывать этот факт. Товарищ генерал, игравший для нас роль полковника, храпел, имитируя последние достижения наступательного оружия, направленного на парализацию психики противника. Поскольку противников у него не было, то вибрационное воздействие невольно распространялось и на всё соседствующее или прилегающее. Окружающая среда гибла или не спала вообще, прикидывалась случайными жертвами. Фамилию он носил длинную, противоречивую, звали же его Жорес Иванович.

– Петя! – спросил он однажды. – А какой ты по отцу будешь?

– Тимофеевич! Можешь и без отца, по одному мне, он не обидится...

– А давай лучше будем по отцам?

– Как хочешь.

– И ещё, я думаю, мы не должны отрываться не только от своей страны, но и от событий в мире, поэтому предлагаю ввести политзанятия или политинформации. Ты за кого – за Сталина или за Ленина?

– Я за «Спартак»! – чистосердечно ответил я, но, увидев его отпрянувшее лицо, добавил: – За Спартака!

– Вон ты какой? А я уже смел подумать... Молодец! А Самолапов – подлец!

– Да тут многие «молодцы-подлецы», если всю жизнь жили в условиях, требующих доказательств.

– Но Самолапов Маринку клеит, по китайской гимнасти-

ке!

– Клей есть, вот и клеит!

– Тимофеич! Я и сам её хотел клеить, но этот подлец... Может, в морду ему дать? Слушай, он же должен свою жену клеить! Жену же свою клеить почётно и порядочно?

– Да и хер с ним! У нас вон собственных девочек десять штук, одна Светлана Андреевна чего стоит? Красотка! Ей всего около семидесяти! Кстати, спрашивала аккуратно у меня, почему генерал важнее полковника? Я говорю: ты у Жореса Ивановича поинтересуйся воинскими чинами, я же учитель, что с меня толку?

– Говоришь, хер с ним? Хер с ней, с этой Мариной!

– Не понял, как это?

– Так ты говоришь, интересовалась?

– Подойди и потихоньку пригласи её в подвал, покурить...

– Я бросил! Курить со старушкой в подвале – это очень сексуально!

– А что ты хочешь? Сам-то? Потянешь?

– Ну, Тимофеич, ты меня не знаешь, а потому злишь, но это хорошо. Надо показать тебе мои боевые кадры, около семидесяти? Ты что, издеваешься? Я – генерал действующий!

«Девочки» запели Аллу Пугачёву, и Жорес Иванович покраснел, по его лицу стало видно, что песни Аллы Пугачёвой, как и образ жизни её предка Емельяна, поддакивали его нравам. Через некоторое время он переживания бросил

и неожиданно заявил:

– Всё! Покреститься надо! Гадам буду, покреститься не помешало бы... Уже.

– Не говори так, а то гадам будешь, реально! Зачем тебе креститься? Вон у тебя и ордена есть, и медалки, и почёт, и уважение, и чин.

– Знаешь, всё равно неравносильно...

Зашёл мужик с телосложением больше халата и сказал, чтобы шли пить минеральную воду. Получив сигнал, «черепахи примчались к водопою» и впились в полиэтиленовые стаканчики.

Вода подразумевала, что у всех примерно одни и те же болезни или их предпосылки, стало быть и обобщала всех нас по этому признаку. Обобщившись и почувствовав перспективы дальнейшего сосуществования, мы переползли в холл и попали на лекцию по фэншюю. Как и все предыдущие лекции, всё закончилось распродажей какой-то фигни и жертвованиями для неизвестных понятий. Я купил себе колокольчик только потому, что его стало жалко. Теперь я возлагаю на него особые надежды, связанные со своим духовным развитием. Наверняка он сможет научить меня таким вещам, которые раньше мне не приходили в голову. Так что моё жертвование оказалось адресным.

Потом дали всем волю, до обеда, но большинство проголосовало за телевизор и за полное доверие управлять пультом человеку с маленькой шахматной доской.

В это время Светлана Андреевна «покатила» Жореса Ивановича, скрепившись с ним вытянутой рукой, как мальчика, которого впервые поставили на ролики. И пока мы заглядывались на разные образы информации, она вернулась, и Жорес Иванович был уже надут табачным дымом, и это помогало ему почти не прикасаться ногами к полу.

В руке у неё был один конец шпагатика, на другом конце – приближающийся к православию генерал, откликающийся на «полковника». Бросалось в глаза то, что каждый был по своему счастлив и независим в одно и то же время.

Забуревший коллектив оценил это «парное выступление» опытным взглядом, и женщины не оставили от своей подруги ни одного милосердного слова. До ключевого события оставалось всего ничего, и об этом «ничего» сообщил ничего из себя не представляющий человек женского пола с незапоминающейся фамилией. Спать пошли, как заведено, по тому же признаку пола, и Жорес Иванович, избавившийся от романтического шпагатика, подлетев ко мне, спросил:

– Ты вдовец?

– Вдовец!

– Это хорошо! – ответил он и возбуждённо залёг в казённую постель. И началось... Каждый получил из своей поисковой системы тот сон, который он заслуживает, или тот, на который он сегодня свободно вышел.

Через несколько минут на стенах, у которых стояли кровати, по прямому распоряжению Морфея стали проявлять-

ся вполне пристойные сюжеты от представителей покорного ему поколения. Всё испортил генерал. Он сел и заорал на все горы:

– Паша! Куда ты прёшь?! Не лезь туда! Левее! Левее, сука! – и упал лбом в пол, произнеся контуженным голосом: – Это не я! Это кровать! Она!

– Ну, понятно, – согласился художник. – И если б ещё не танки? Так, товарищ генерал? Полковник!

Жорес Иванович общими усилиями был возвращён в злополучную кровать и оттуда парировал:

– Должен же среди вас кто-то Родину защищать!

Таким образом храп в увертюре перешёл в открытую танковую атаку, но соскользнул в другую реальность и переполошил.

Помимо нас, бездарных аккомпаниаторов дневного сна и его видений, постепенно подносило любопытный народ. Одной из первых сбежалась Светлана Андреевна, и, увидев её, Жорес Иванович надел, откуда ни возьмись, генеральский китель.

– Как видишь, сражение проиграно, а население напугано, прости... – Потом он сказал в секретную трубку: – Игорь, немедленно приезжай или пришли машину!

– Ничего, ты красавец! Ещё выиграешь! С такими солдатами?! Правильно я говорю, Бушманский? – улыбалась Светлана Андреевна.

– С нами запросто, одним художественным свистом мож-

но кого хочешь разбить! – согласился я.

– Тимофеич абсолютно прав, – присоединился Самолапов и принялся искать «такую штуку», которую надевают поверх трусов.

Время капнуло, и незаметно все куда-то рассосались, видно пошли искать себя. Примчалась машинка и унесла от нас полковника-генерала в стихию его замыслов. Да, пора было взрослеть, но взрослеть было уже некуда, а приняться молодеть и в голову никому не приходило, за исключением «пен-старсок», и то не всех.

Так что день петлял не зря: что-то подсказывало, что генерал уехал репетировать реванш и осталось немного подождать, чтобы участвовать в параде победителя.

На следующий день утром была каша – овсянка с семенами льна. Само утро тоже было кашей, созданное по простой технологии произвольного смешивания случайностей, смены настроений, пробуждения предчувствий и отрезвления ожиданий. Помимо всего этого попало столько странных ингредиентов... особенно искривлённых воспоминаний, лиц и улиц, дат и бессмысленностей. Не обошлось и без оливкового масла и гигантской маслины – улыбающегося в свой конспиративный план Жореса Ивановича.

В конце концов каша в качестве каши закончила существование в наших организмах, и мы, прописав в себя по тарелке клетчатки, прилипли к телевизору, чтобы посмотреть на своего президента: может, что-нибудь пообещает или

даст, а может, на рыбалку пригласит? Что ему, жалко пригласить? Сказал бы:

– Ребята, на рыбалку хотите? Ну, тогда я вас приглашаю! Когда время свободное появится, обязательно поедем!

Страна сложилась так, что кроме него рассчитывать было не на кого, и поэтому старались все, а также советники, референты, визажисты, «осветители», телохранители и с другой стороны – враги со своими камарильями. Но наш был наш – по всей Конституции!

Телевизор насыпал достаточное количество свидетельств о жизни страны и мире и о жизни страны в мире, вся просвещённая часть дедсада с удовлетворением констатировала то, что изменения в пределах нормы. Жить пока ещё можно...

И всё же настоящее событие произошло. Сначала приехал автомобиль с сочной, целеустремлённой женщиной, которая, похоже, вся шла в гору. Лет она была сорока... тогда, когда «изюм» хорош в любом виде и в любом количестве. Она спросила у всех сразу:

– А где Жорик?

– Полковник? – догадался кто-то из телезрителей.

– Генерал! – поправила она.

– Генерал Жорик, может быть в подвале, с дамой, – сообщил художник.

– Как это?

– В поисках новых ощущений они там организовали курилку.

На разговор вышел Берзень с Анной Павловной, женщиной-терапевтом.

– Мадам! – сказал директор. – Готов ответить на любое ваше предложение. У вас здесь есть кто-то ваш?

– А как же? Мне позвонил Игорь и сказал, что он тут не может спать, ему ваши кровати мешают получать изображение во сне. Я привезла ему кровать!

– Кому?

– Жорику!

– И где кровать?

– А где Жорик? Если он начнёт воевать, вы долго будете его искать. Особенно в казаков-разбойников. Лучше пусть во сне казакует, в пижаме.

На поиски никого посылать не пришлось. Жорес Иванович шёл впереди, не пряча возбуждения лёгкой победы. Светлана Андреевна, превращённая в птицу, но уменьшенная в десять раз, вместе с одеждой, сидела на палке, которую он держал в руке. Палку с птицей он тут же передал Анне Павловне и сказал:

– Пить не умеет! Видишь, в кого превратилась? И курить тоже, но всячески пристаёт, видно изголодала по гребле на каное.

– Чик-чирик! – сказала Светлана Андреевна в своё оправдание, но это оказалось малоубедительно. Женщина-врач тут же унесла её к себе, понимая проблемы женского механизма. Скорее всего, будет кормить червячками и пророст-

ками, чтобы она быстрее отрезвела.

– Жорик! – воскликнула мадам и, нахлынув на него, ловко поймала военные губы, которые, судя по всему, нужны ей были как символ.

– А ты как здесь, красотка? Как муж? Как дети?

– Нормально! Жорик, как я скучаю! Вот тебе кровать немецкую привезла, с пультом, моторчиками, матрасиком, который лучше бы на пол бросить... Жорик! Жорик!

В это время к парадной двери подкатил корейский грузовичок с людьми и коробками.

– Пусть сначала старую кровать разберут и вынесут в подвал, – решил Берзень.

– Ну, тогда и я курить начну со Светланой Андреевной, – сказал Самолапов.

– Не развращайся, ты женат! – сказали три женщины, сочувствующие супружеству.

И люди понесли разобранные и ещё не собранные вещи туда-сюда. В итоге на кровать по фамилии «Tempur Flex» пошли смотреть, как на произведение искусства. Потом её запустили, и весь дедсад полез на неё за ощущением удовольствия, так что пришлось организовывать очередь. Сам Берзень нажимал на пульт и поднимал человеческие ноги, головы или переворачивал тела набок.

Жорес Иванович наблюдал со стороны и наговаривал своей боевой подруге слова, которые были не для протокола, а для романтической повести.

Основные испытания кровати начались тогда, когда к этому подступило своё время и объявили послеобеденный сон. Слух женской и мужской палаты, а также всей администрации ждал главного... Чуда! И оно произошло!

Немного поизменяв позы, Жорес Иванович замолчал... забыв закрыть глаза. Самое интересное в том, что это не помешало ему спать. Целый час за этим чудом ходили наблюдать, потому что никому уже не было никакого дела до своего сна.

Светлана Андреевна обрела прежнюю прыть и, съев котлету из свеклы, прослезилась... неизвестно от чего. Видно, женский механизм ещё давал сбои и течь, а так она даже похорошела и в конце концов ушла в сад, петь на расчёске. Наблюдения закончились по инициативе самого объекта наблюдения – он кашлянул и уверенно подытожил:

– Оказывается, это не слухи: и с открытыми глазами спать можно.

– Слава богу! – сказали ответственные за чистоту религиозной подоплёки. – Вменяем, ну и слава богу, Жорес Иванович!

– Тимофеич, как же мне покреститься? Как это можно организовать, по просьбе воинов?

– Что я, представитель Синода? Откуда я знаю? У женщин надо спрашивать, они, грешницы, трусят больше, значит, норвят к нему поближе.

Вечером приезжали дети, и мы их тоже водили смотреть на кровать. А мой Захар во всеуслышание спросил:

– Отец, ты что, тоже хочешь такой драндулет? Так я тебе завтра могу его подогнать!

И Жорес Иванович ушёл смотреть телевизор. Хорошо, что машину ему ещё не подогнали. А то брови выгнул!

И всё же лучше всех досталось сторожу. Сторож был студент, и, мгновенно сообразив, что почём в управлении «Tempur Flex», он позвал к себе на ночь ассистента и одновременно стажёра сторожа – Ксению Ностальгишину.

Совместное испытание – специально обученных людей и завораживающе вздымающейся кровати – прошло во всех существующих режимах. Следы испытаний, как и самих сторожей-испытателей, обнаружили вокруг и в самой кровати. Для чистоты эксперимента они являлись и явились голыми. Весь дедсад трагически осознал, что кровать лишилась девственности не от хозяина, а от каких-то самозванцев, даже не имевших ещё высшего образования.

Аморалка висела в воздухе и ждала появления Жореса Ивановича, но Жорес Иванович смог бы остаться в неведеньи до понедельника, а то и дальше. Подвернулся случай, и он по чисто русской традиции принял приглашение отведать чисто русской природы и, слегка процедив бреднем чисто русскую речку, попить чисто русской водочки, да с чисто русской ущицей...

Наступил понедельник, и всё было бы ничего, но пришёл

он без Жореса Ивановича. Генерал получил увольнительную по случаю загостившей у него диареи. В полдень он позвонил Берзеню и передал эту информацию о своём затянувшемся поносе.

Дедсад посочувствовал, вспомнили о своих поносах, а кое-кто даже позавидовал. Из чувства военной субординации, а также от греха подальше администрация обвязала кровать ленточкой, препятствующей её беспрепятственное посещение.

Шестой

Когда у нас появился шестой, мы почти по-чеховски сообразили палату обозвать – «номер шесть».

Шестой – Павлиади Василий – являлся живым доказательством успешного директорства: двенадцати советских предприятий и заведений учебного типа. Если задуматься, то лучшей характеристики и не придумаешь или лучше не надо придумывать – всё и так есть. И всё-таки, что может рассказать холодная запись в трудовой книжке? Только то, что интересно государственному учёту.

Конечно же, такое хроническое директорство, которое испытал в своей жизни Василий Спиридонович, бесследно не проходит и не только оставляет свои следы в характере «пенса», но и камни на сердце, и не исключено, что и в других органах тоже.

Главные же подробности и незабываемые черты таких людей передаются из поколения в поколение в устном народном творчестве. Некоторые же из них могут лечь в основу греко-понтийских легенд и мифов. Павлиади был как раз из таких – из полумифических понтийцев.

В дедсад он и пришёл, и нет, скорее показывался... По всей вероятности, где-то на «гражданке» были ещё необслуженные дела. Кто знал, что за его темпераментом и воображением иногда не поспевало сердце, а иногда пыталось

обогнать любые события?

Василий посвящал ему время и правильно делал, или, может быть, дело совсем не в этом? Может, он тоскует по своей гениальной родине?

Вот и сегодня он один пропустил овсяную кашу с каким-то специальным маслом, радующим сосуды, и сидел с ногами на диване. По телевизору показывали документальный фильм об истории женского баскетбола в бывшей стране. И Василий, приняв почётную позу голодного индуса, с поджатыми под себя конечностями плакал.

– Что, родина зовёт? – решил я проверить свою версию.

– Пошёл ты в задницу! Она член НАТО! Ленку увидел и не смог себе отказать в такой минутной слабости! Чувак, если сейчас покажут... Вот! Вот! Видишь? Двенадцатый номер! Это она!

На экране бегали какие-то женщины в трусах, гонясь за славой советского спорта. Хроника была выстроена хронологически, и, похоже, разобрался в этом только Василий Спиридонович.

– Ну что, видел?

– Видел, но не понял, что к чему, – сознался я.

– К тому, чувачок, что это моя женщина! Без двух сантиметров два метра, чемпионка мира и Европы! Моя женщина! Вся моя! Была! Не верится! Не верится, что ничего не вернуть! Ничего!

Я хотел его успокоить, дать бумажный платок, но увидел,

что слёзы у него высыхают сами, может быть от удовлетворения собой и от всего вообще «спортивного» этапа жизни. Или, может быть, это приёмчик от спецслужб – слёзы мужчины, сбивающие с панталыку?

– Ладно, – сказал он и высох окончательно, – а то тут и поговорить не с кем, одни старые «пердуччио»! Тимофеич, тебя это не касается, так что и не обижайся!

– Чего обижаться, чувачок?! Никто же не обижается на «сиртаки» только потому, что это «сиртаки»?

– Понял! Ничья! Ну так вот! Смотри, вон она побежала! Короче! Давай, слушай!

– Может, лучше посмотрим? – спросил я, не готовый к «погрузке» в «трюмы» случившегося случая с молодым и экспансивным Павлиади. Случай, честно говоря, был случайной, которая в том биологическом возрасте являлась одной из профилирующих дисциплин.

В дедсаду каждый первый искал случай рассказать кому-нибудь случай. Архивный фонд казался неисчерпаемым. Носители своих случаев искали для них уши, сочувствие и свободные места на библиотечных стеллажах и в повседневных архивах.

– Ты когда-нибудь спал с женщиной двухметрового роста? Тимофеич, у тебя какой рост? – закипал Василий Спиридонович.

– По молодости был метр семьдесят два или три? А сей-

час не могу сказать! По ощущениям – уже меньше... А что, Василий?

– Ты себе не представляешь! Ты просто себе не представляешь? Баскетболистка! Чемпионка! Абсолютная красавица, только в увеличенном виде! У меня метр шестьдесят восемь, как у тебя... И я не верил! Верить? Она лежит... и я несколько раз её прополз – с головы до пят и наоборот! А как мы с ней танцевали на танцах? Обоссались все отдыхающие Адлера! Это такой кайф! Тимофеич, что ты рот открыл, у тебя хоть скромная разрядница по стрельбе из лука была, давала свой спортивный инвентарь потрогать? Верить? Двухметровая красавица! Вся твоя! В смысле – моя! И это при том, что я грек и у меня метр шестьдесят шесть, как у тебя... Я танцую, и головой между сисек... и чувствую: все лежат, а она любит! А я плачу! Не верю! И держусь за её деревянную жопу!

– Это всё? – спросил я у греческого комментатора.

– Почти! А что тебе ещё надо? – удивился Вася. – Я у кого ни спрашивал, ни у кого не было такой любви! Я её на руках носил! Клянусь!

– И не обкакался? Куда ты гонишь? Побереги свой пульс, Василий! Двухтонную тёлку на руках?!

– А я в воде... Что, не сказал? Вожу её по морю на руках... Лежит, балдеет, смеётся... Кино! А однажды идём... за руки взялись... я чуть не плачу от счастья... а она цветёт и пахнет, цветёт и пахнет! К морю идём, а народ снопами валит-

ся... Представляешь, хорошо, я тогда бородку отпустил, а то не любовь получалась, а серьёзный курортный прикол!

– Молодец, судя по трофеям!

– Так мы когда открыто к морю шли, меня достало изображать из себя лилипута, и я её попросил стать немного ниже и перейти в кювет. Таким образом мы хоть немного уравнились. Держимся за руки... она идёт в кювете, а я по асфальтированной дорожке. Адлер кончил... раньше времени курортный сезон. Три дня, и вот теперь... история!

– Вася, ну ты и отмочил! Девушку в кювет загнал! Я представляю.... Цирк!

– Тимофеич, что ты понимаешь? Ты имел когда-нибудь? Хотя ты мне уже ответил. И что ты рубишь тогда в любви? Ничего не рубишь!

– Спасибо, получил ещё и пенку! Самому-то не смешно?

– Да ладно... Жизнь куда-то прошла... Вот что смешно! Нет, в молодости, когда только начинаешь подозревать о своей собственной смерти, всё-таки не подозреваешь, не можешь подозревать, какой «попадос»! И что всё – так быстро и противно!

Жизнь только кажется лучше, чем есть на самом деле, но в этом мало кто разбирается... Человеку чаще всего достаточно того, что и как ему кажется, а не того, что есть. Чтобы более или менее спокойно жить, ему надо постоянно чем-нибудь засирать себе мозги, иначе они такую жуть могут притащить ему к ужину! Пойду погуляю в растениях, рас-

чувствовался я с тобой... – сообщил он и пропал в локальной природе.

В то же самое время Самолапов с шахматистом схватились в дебюте и слышали только обрывки и наночастицы нашего разговора.

– И что это тебе наш грек намёл? Хвостом крутит, успокоиться не может, – спросила и сделала свой вывод одновременно Неля-Ника. Юридическое прошлое научило её мыслить вопросами и подозрениями и даже при отсутствии информации всегда иметь своё достоверное мнение.

– Да так, ничего особенного... Делился опытом по сексуальному овладению двухметровой женщиной.

– Какой-какой? – спросили по очереди шахматисты.

– Двухметровой!

– О! И эти зачесались, головастики? – слегка возмутилась Неля-Ника. – Пойду лучше сыграю с девчонками в очко!

– Василий – настоящий гигантолог! – согласился Самолапов.

– И документалист! Вот чёрт, хотел сказать – монументалист! – примкнул его соперник.

Вот так весь день постепенно протёк сквозь наши пещеристые тела. «Пенсы» по большей степени мыкались среди предметов обихода и своих настроений, цеплялись друг к другу и излучали невзрачные эмоции и характеристики... Но бывало и всё наоборот – это зависело от астрологических прогнозов, но в большей степени от самих астрологов и их

паствы. Звёзды как будто бы были ни при чём, а человек и так слишком долго думал о них или привыкал к ним.

Параполитическая среда

Жорес Иванович появился среди недели, немного уставшим от хорошей жизни. Оказывается, он не только извёл диарею, но и три раза посетил стоматолога, после чего принял православное христианство и почувствовал себя вечным.

Фишка же была в том, что он приехал не один, а с умопомрачительным подарком, сделанным в его адрес. Как это нередко случалось, он не задумываясь решил примостить его в «пенскоме», но нарвался на вопросы Берзенья и инфантилизм приходящего сантехника, впервые своими глазами восхитившегося японским унитазом.

В процессе профессионального сосуществования он наконец открывал для себя вещь, которая не работает без вай-фая. Хорошо, что вещь решили как следует изучить и не спеша поставить на эксплуатацию.

Жорес же Иванович же выделил время и перецеловал двенадцать ручек всей женской группировке, у которой сегодня вышло на смену девять «пенстарс», и сказал:

– Как же мне вас не хватало! В молодости особенно! – но про себя добавил: – Промазал немного, ничего, бывает...

Женщины, теряющие свои шкуры, облики и планы на будущее, придавлены настоящим настолько, насколько им хватает самостоятельности и противопоставлений. С осталь-

ным они справляются при помощи врачей или развёрнутых характеристик своим внукам. Тем не менее такие верзилы, как полковник-генерал, не замечавший особенно их «бабства», нравились больше, чем, например, правительство и его жмотство и его умение свалить всё на прошлое и наобещать будущее подрастающим «пенсам».

– Послушай, – неожиданно спросила Жореса Ивановича Зоя Никитична, – а кто лучше – Ленин или Черненко?

– А нельзя ли какую-нибудь другую пару выбрать? Ленин и Сталин, например?

– Нет! Сталин у нас всегда на закуску!

– То есть как это – на закуску?

– Он к другому типоразмеру политических «вершителей-крушителей» относится, а вот Черненко нам всем что-то жалко... Подсунули его под большую кремлёвскую дверь, он и задохнулся...

– Постойте! Непонятно, как это вы наших политических лидеров сортируете?

– И ваших, и наших – всех по-человечески, – обобщила выжившая в средней школе Зоя Никитична.

– Ты уж, Жорес Иванович, извини, но мы в той жизни тоже, так сказать, мужиков привечали. Понимаем, кто что мог, а кто что сделал... – примкнула Софья Леонидовна. – Вы со своей линейкой, а у нас другой прибор для измерения.

– Нет, то, что касается Ленина... То, что он сделал... – сопротивлялся полковник-генерал, но замолчал, понимая, что

тут одной линейки мало и что они – независимо заматеревшие.

– То, что касается вас, милый Жорик, не знаю, как на этот счёт понимать, но ощущать-то вы должны, что они уже с нами наигрались, что теперь они не кусаются... Следовательно, пора покинуть карцер политических предрассудков и не бояться жить! – продолжила Софья Леонидовна.

– Нет, ему надо сделать особое «пирке», что бы больше не мог ничем таким заразиться, – предложила Зоя Никитична.

– Какое ещё пирке? Вы что? – испугался незнакомого слова полководец.

В это время на самокатике подрулил художник, упивающийся своей способностью унижать пространство и время:

– Жорес Иванович, вас там ждут!

– Где там?

– На унитазе! Там без вас не получится. Ваша жопа нужна, пардон!

– Для чего? Хотя, естественно...

– Он вроде метрику должен с неё снять, чтобы потом её узнавать и включаться для работы!

– Серьёзно? Это что значит, другая жопа у него уже не проканает?

– В том-то и дело!

Женщины хлопнули в ладоши и весело прослезились...

– Это хорошо! Хоть какие-то политические привилегии,

а то, понимаешь ли... Ладно, пошли к унитазу! Слушай, кто лучше – Ленин или Черненко?

– Конечно, Черненко. Его жалко, он ничего не натворил, а его всё равно дверью придавили. На удалении, за спиной...

Женщины вновь хлопнули в ладоши, и трое перекрестились.

Жопа для настройки требовалась голая, так что Жорес Иванович с сантехником остались наедине как существа однополое и заинтересованные в результате. Унитаз, в смысле произведения искусства, с одной стороны, оторвался далеко от привычных упражнений и мировоззрения рядового посетителя, с другой стороны, теперь, как собака, готов узнавать своего хозяина вплоть до того, что и лизать ему... В общем, лизать не лизать, а музыка какая хочешь, и подмыв, и орошение, и сушка с ионизацией, и ароматизация с хер знает чем...

Для того чтобы во всём этом разобраться, понадобился человек другого пола, но со знаниями в электронике. Это была Вера – новая сотрудница, которая в конечном итоге и запрограммировала голую генеральскую жопу, а также его голосовой пароль. Теперь при слове «Жорик», произнесённом полководцем, унитаз, образно говоря, вставал на задние лапы и крутил хвостом в готовности исполнять все мыслимые и немыслимые прихоти и даже исследовать химический состав всего биологического «наследия».

Дальнейшая демонстрация современного института ассенизации вылилась в очередное политическое потрясение

и общественную зависть с подоплёкой. Дискуссия неожиданно переползла через полдень и полдник, никому не дала поспать и протрезветь от впечатления. Интересно то, что теперь уже не от самого предмета, поражающего воображение, а от того смысла, которое встроено в отношение к человеку. Того уровня отношения, даже к таким, казалось бы, необязательным для внимания вещам, как «нужда». А ведь это не что-нибудь, а то самое, что может сделать всех беззащитными и нелепыми, с возрастом даже беспомощными.

И тут новоиспечённый христианин Жорес Иванович вспомнил о себе как о христианине. Может быть даже, ему об этом подсказали? Не исключено, поскольку возможностей у него прибавилось, в том числе и иррациональных.

– Люди! – сказал он и, видимо, почувствовав слова не своей роли, добавил: – Извините! Предлагаю присвоить моему унитару высокое звание «наш» и считать его и «М» -, и «Ж» – назначения, включая сюда и уважаемую администрацию.

Хлопали в ладоши и «М», и «Ж», и уважаемые представители уважаемой администрации. Воздержались трое из вредности или нежелания запрограммировать для этого свои задницы. Распалившись, Жорес Иванович стал усиленно предлагать и насчёт переспать у него на кровати, но Зоя Никитична сказала, что это уже слишком.

Женщины, глядя друг на друга, согласились – этого требовал негласный кодекс общеполовой кооперации, – но вместе с тем оставляли за собой бронь на чувство собственного

любопытства.

И тут неожиданно всех потряс Самолапов. Он сказал:

– Деньги взяли реванш. Элиты взяли деньги и собственность в свои руки. Государство имеет со всех и всех нас вприкуску, на то оно и власть. По мере надобности, если ему будет надо, особенно просить не станет, возьмёт ради своих интересов. И всё было бы не обидно, но распределяет оно это «своё» – сами знаете? Нам повезло, у нас хороший пансион, дети и родственники, и сами для себя кое-что успели сделать... Так что можно восхищаться чем угодно, вплоть до японского унитаза, но нам хорошо известно, что почём и кто и что в устройстве нашей жизни значит?

Аплодисменты были, но все разные и от разных судеб. В целом это выглядело жизнеутверждающе и без окончательного согласия, что говорило о тонне не востребовавшего человеческого опыта, слоняющегося из угла в угол.

Погода дня постепенно научилась иллюстрировать экономическое положение страны, иногда до тонкостей передавая колебания валютного курса на бирже и реакцию на него населения. Всё оказалось так близко и взаимосвязано...

Таким образом, даже дождь, постаравшийся как-то обставить свой приход, не производил того впечатления, на которое рассчитывал. Он попросил вечер – старого, закадычного партнёра – подыграть ему и вместе спасти впечатление, но даже это не возымело... Они провалились оба... То ли перебрали с пафосом, то ли с концентрацией лжи, которая,

по замыслу управляющих процессом, необходима для дезориентации и релаксации одновременно. Потом один за одним стали приезжать автомобили и разбирать всех по индивидуальностям, за некоторыми индивидуальностями приехали их дети.

Спонсоры...

И тут, буквально через пару дней, в четверг, мы почувствовали, что не всё так удручающе, как иногда кажется. Есть ещё в нашей замечательной стране люди, которые готовы уделить нам своё внимание, пойти навстречу и вообще – которым мы по-настоящему интересны. Такие живые, весёлые и обходительные ребята.

Администрация спросила нас, хотим ли мы откликнуться на предложение спонсоров немного нас развлечь и заодно покормить в ресторане обедом.

– Хотим! – ответили мы в едином порыве, но Павлиади спросил:

– Это на самом деле халява или им ещё что-нибудь с нас надо?

– Мне показалось, без какого-либо подвоха, – пояснил Берзень, потомок латышских стрелков. – Фонд «Будущее наше» – или наоборот, по-моему, так называется... Или даже не «наше», а «ваше». Нет, если вас что-либо смущает, то я позвоню, и всё!

– Хотим! – ответили мы, даже более организованно, но женщины выстроили условие... Мол, если это так и дело даже пахнет рестораном, то обязывает выглядеть соответствующим образом... Следовательно, такая вакансия может открыться только завтра!

– Хорошо, я передам это пожелание «Их будущему», – согласился Берзень.

И после этих слов мы весь свой день прожили по инерции. По-моему, он никого не разочаровал, чувствовалось, что у нас уже складывается особый стиль сосуществования. Мы ещё были похожи на людей, и некоторые из нас оставались даже похожими на самих себя.

Зато на следующий день мы подготовились к показательному выступлению... Надо сказать, что «пенсов» это как-то особенно не завело, «пенстарсочки» же оживились, запахло со всех сторон, причём каждая на свой манер и маневр тоже. Счастье медленного ожидания патрулировало время этого ожидания, пока не появился корейский автобус средних размеров и человек из «Будущего».

Он стал говорить такими словами, которые попадали прямо в аквариумы наших душ, и впечатление выросло благодаря этим замечательным рыбкам завораживающего цвета. Судя по блеску и слабому фосфоресцированию глаз, у некоторых женщин проснулись самые сладкие воспоминания о самых сладких ощущениях.

Мастер слова, окутав нас пеленой неизвестности с двумя-тремя шуточками, нафаршировал нами автобус, и мы поехали. Было в этом что-то такое пенсионно-пионерское, и вчерашние немногочисленные противники растворились сами. Словом, перелицевались в общем потоке предвкушения.

Так называемый ресторан показался довольно быстро. Наряду с десятком аналогичных экспресс-трапезных он прятался в гигантском стеклянном «сарая», в котором слоняются потоки запрограммированных на какое-нибудь приобретение человеческих организмов.

Пока наш постаревший кусочек человечества вели по пространствам торговли, на нас смотрели, как на заблудившихся эскимосов в национальных костюмах. Это говорило о многом, и прежде всего о том, что мы торжественно воспринимаем современную действительность и костюмированно откликаемся на слово «ресторан».

В конце концов нас доставили к архипелагу из столов и стульев, а поскольку стены здесь не предусматривались вообще, то это место являлось образцом демократического уюта. Встречала нас женщина с всепоглощающей улыбкой и специально предусмотренной красотой, в конце которой вращалась фраза:

– Добро пожаловать, гости дорогие!

Заняли мы четыре столика, на каждом из которых, по наши души, были заготовлены анкеты и шариковые ручки.

– Дорогие гости, прежде чем начать наше небольшое, но торжественное мероприятие, – провозгласил наш сопровождающий, – несколько приветственных слов скажет Ирина!

– Из всего торжественного мероприятия бросается в глаза нелепость наших великолепных костюмов, – вставила Софья

Леонидовна, и четыре столика зааплодировали.

– Дорогие вы наши! Люди, которые всю жизнь отдали служению Родине! – добавила тепла в трафареты Ирина. – Наша компания решила, по мере своих возможностей, уделять вам заслуженное внимание и делать всё, чтобы вы в будущем поменьше нуждались. Как говорится, и спали спокойно! С сегодняшнего дня мы, что называется, берём над вами шефство и, если хотите, спонсорство! Мы любим вас!

Два столика зааплодировали, а остальные на них посмотрели.

– Неоднозначно! – сказал сопровождающий.

– Заполните, пожалуйста, анкеты, дорогие!

– Почему неоднозначно? Мы вас тоже ещё как любим! – возбудился Павлиади, и в два основных движения оказавшись рядом с Ириной, наглым всепоглощающим поцелуем одолел всепоглощающую улыбку.

Зааплодировали все четыре столика и ещё столько же со стороны. Убитая греческим поцелуем женщина села на клонированный стул, достала зеркальце и другую улыбку. Павлиади же, прикинув к своей анкете, громко заявил:

– Заполню, но подписывать не буду! Гарантом любых займов, даже для поддержки штанов отечественного производителя, быть отказываюсь!

Аплодировали все высказанному вслух предчувствию и единодушию.

И тут общественное внимание взял на себя человек, то ли

мыльный пузырь, то ли презерватив... Он сыпал, пересыпал друг в друга, надевал на себя и всех подвернувшихся ему под руку перламутровые оболочки, шарики, пузыри и пузырьки, и это веселило не только нас, но и всех нас окружающих из других «ресторанов». Пока это не стало похоже на фабрику, и не изменилась «роза ветров», и вместе с воздухом весь этот аттракцион потянуло на людей. Мы все видели, как они защищали свою еду и не хотели есть лёгкий привкус мыла. Потом теми же аплодисментами, которыми награждали, его упразднили, разницы не было никакой.

– Дорогие! Я вижу, вам понравилось, – снова вступил в строй сопровождающий нас спонсор. – Анкеты нужны нам, чтобы познакомиться с вами, лучше знать каждого из вас, в свою очередь и каждый из вас может вдумчиво познакомиться с нашей миссией и, надеюсь, расположиться к нам всей душой!

– Молодой человек! – сказала Светлана Андреевна – А вы умеете курить кольцами?

И мы с Жоресом Ивановичем восхищённо и загадочно заулыбались.

– К чему это? Курить кольцами? Забавно!

– Понимаете, в чём дело? Мы тут все слегка травмированные историей развития страны, а у многих это ещё и передалось по наследству. Так что не крутите нам яйца, как говорил мой первый муж. Или вы хотите «гоголь-моголь»? Можете сказать прямо? Когда уже будут угощения?

Хохот стоял такой, как будто мы были в детстве. Первыми смеялись наши временные хозяева, и молодой человек спросил:

– А что это такое – гоголь-моголь?

– Это немного слаще, о чём вы могли подумать, и жирнее... Правильно я говорю? – обратился ко всем Самолапов.

Как ни странно, но половина «пенсов» весело кивала головами.

– Вот чёрт! – подскочила Ирина. – С этого и надо было начинать? С угощений!

– Прости, господи! – серьёзно сказал Жорес Иванович и перекрестился. Через пару минут прямо на неиспользованных по назначению анкетах, прямо перед нами толкались друг с другом шедевры индустриальной кулинарии. Картонные кузовки с картошкой фри и кетчупы, «атлетичные» и сводящие с ума человечество транснациональные бургеры, а также сама кока-кола!

– Прости, господи! – ещё серьёзнее сказал Жорес Иванович и добавил: – Господа, выражу общее мнение... Я эту херню есть не буду!

– Нам нельзя! – подтвердила Зоя Никитична. – Не обижайтесь!

– Ну, хорошо, тогда подарки! – объявил молодой человек, но все дисциплинировано встали и пошли за полководцем. Оказывается, он уже позвонил и вызвал четыре машины такси к главному входу.

– Извините! – говорили все всем на прощанье, но кое-кто искусился на большие лакированные подарочные пакеты. Пакеты оказались с сюрпризом. Обнаружилось это уже в дедсаде и вызвало разную реакцию – от слёз до простенького мата, переходящего в самоиронию.

У каждого добровольно себя премировавшего от фонда «Будущее наше» оказался красочный буклет, предлагающий весь комплекс услуг по собственным похоронам на любой вкус и с такими заманчивыми скидками, узнав которые, невозможно устоять и не захотеть как можно скорее ими воспользоваться.

Прицепом оказался большой настенный календарь, иллюстрирующий каждый месяц года эксклюзивной моделькой гроба. Многих должны были подкупить изысканный дизайн и модные отделочные материалы.

– Вспомнил! Я, кажется, вспомнил, где я его видел! – оживился шахматист. – И фамилия его вам всем должна быть известна. Чичиков?!

– Нет! Похож, конечно, но этот круче! Это новая модификация! – высказалась Неля-Ника.

– Я же уже докладывал, – уточнил Самолапов. – Другие общественные отношения, где мы с вами – бабло ходячее. Вот люди и работают по теме... Мы живые, но уже как бы бурьян, пользы мало, и ещё высокочатратные мы для страны, я бы так сказал...

– Да и действительно, самый настоящий гоголь-моголь по-

лучился, только от спонсоров. А красивые летали пузыри! Интересно, как он их надувает? Какой ужас! Гробик над постелькой! – проговорила Светлана Андреевна.

– Да ладно, наелись-напились. Может, кто-нибудь уже имел счастье познакомиться с полковым унитазом имени Жореса Непобедимого?

– Я! – призналась Светлана Андреевна. – Настоящее чудо! Признаюсь, что после этого Жорес Иванович стал мне ещё ближе...

– Рад стараться! – сказал полковник-генерал, и всё стало становиться по своим местам. Один подарок всё-таки был передарен Берзеню, и весь дедсад бесшумно переделся.

Фурор

Худо-бедно, а наши спонсоры, большие патриоты чёрного юмора, не ровен час наймут безработных психологов, и те примутся за дело... Соблазняя выгодами смерти кандидатов на выбывание с процветающей поверхности земли. Старость – это выгодный бизнес. Экономическая целесообразность зарабатывания на старости впечатляет, так что все остальные представления о ценности жизни, особенно «последних эшелонов», неконкурентоспособны.

Говорят, Берзень воспринял этот вид юмора очень лично и теперь гоняется за этим многообещающим «Будущим» с какой-то социально заточенной журналисткой.

Так что история про «гоголь-моголь» продолжается... Хочешь не хочешь, а у каждого ведь что-то всё равно дребезжит...

Неделя началась угрюмо, впечатление было такое, что казалось: не может произойти ничего нового... Ни сегодня, ни завтра, ни через любое другое число жизни. Новое сюда просто не пустят, как будто не к кому?

Хотя однажды утром через очень маленькую дырочку в тихо пасущемся сне пробралась утренняя «мышь» и спросила:

– Папа! Ты будешь вставать или ещё поспишь, а то машина уже за тобой пробирается?

– Буду! – ответил я, но не мышке, потому что она была просто чьим-то голосом, ни больше ни меньше. – Буду, а как же!

– Пора настала, я пилотом стала... – последнее, что зацепилось из общего собрания сочинений сонливости. Приклеится ещё...

– Папа! – сказала голосом мышки Надя, жена Захара. – Сегодня двенадцатый лунный день!

– Кто тебе сказал?

– Компьютер.

– А Захар знает?

– Папа, я не про это! Вы меня сбиваете... Я про то, что хотела вам напомнить, что у вас сегодня день рождения!

– Чуть не проспал схватки...

– Поздравляю вас, папа! Я вас люблю! Будьте сегодня хорошим малышом и всегда с хорошим здоровьем. Захар уже умотал, но у него свой план поздравления. Дети будут поздравлять попозже, они ещё спят... На три часа разница.

– Спасибо, душа моя! Выходит, я отличился сегодня?

– Ещё как! Всё, не мешаю... Подъём необязателен для «сосунков».

Так начался день рождения, который ничего общего не имеет с моим днём рождения, за исключением того, что по правилам усердного самолюбия вдохновляется ежегодными повторениями числа и месяца.

Короче говоря, существует единственный и неповтори-

мый день, когда удалось родиться, все остальные – обычные «назначенцы» и повод для всевозможной высокопарности и алкогольно-безалкогольного привлечения к себе подарочного внимания. Тем не менее такая заморочка среди людей пользуется особым почётом.

Вместе с тем, если в первую половину жизни к этой дате стараются «подгонять» высокие звания любви и преувеличенных способностей, то во вторую половину люди программируют свою физическую неуязвимость и умственно-физиологическую продолжительность существования. Любовь тоже никуда не делась, она просто устала, в том числе и от того, что многие нещадно таскали её «космическое» предназначение по страницам своих биографий. Понятно, кое-что обветшало, размоталось, и от возвышенного использования стёрлись некоторые буквы.

Пожалуй, с таким жизнерадостным настроением я и появился в дедсаде, привязанный к календарному напоминанию о персональном подвиге матери.

– Мама, где ты? – спросил я не у неё, а у себя... Так получилось... у самого себя...

Через полчаса все «пенсы» уже собрались. А перед китайской гимнастикой вышел Берзень и поздравил меня всем своим авторитетом, затем поздравил от собирательного образа коллектива, государства, страны и Родины в целом.

Китайская гимнастика сломалась под напором поцелуев, похлопываний, длинных слов, похожих по содержанию. Все

как один бодрили и сулили ветхозаветную продолжительность жизни. Бодрости это отнюдь не прибавило, а стало, откровенно говоря, кисло и пришлось всячески скрывать свою повышенную «кислотность».

Покряхтели и порастягивались, подышали и ещё немного меня пообсуждали. Постепенно стало клонить к воспоминаниям, но последние годы это стало привычным занятием, и сегодня, когда ностальгия была естественна, почему-то её не хотелось. Ещё спустя некоторое время я уже подумал, что игра человечества в мой день рождения утихомирилась, но, как оказалось, зря. В дедсад нагрянул Захар и поздравил меня при всех, демонстрируя последовательность и иерархию рода.

– Папа! – сказал он. – Моё поздравление было бы неполным без впечатления праздника, которого ты заслуживаешь!

Немного зная своего сына, я подумал, что сейчас может что-то произойти. И «что-то» произошло следующим образом... Перед тем как Захар и Берзень на лицах вынесли ощущение абсолютного взаимопонимания, к дедсаду подъехал тентованный грузовичок и автобус японской или корейской национальности. И началось...

Специальные люди с инструментами и стремянками набросились на наш сад, уверенно захватив самую большую полянку. Белым непромокаемым тентом изолировав землю от неба, они электрифицировали и разнообразили шариками, лампочками и прочими плодами праздника несколько

соток городской природы. Проложили настил... из десятка мобильных столов спаяли один длинный, окружили его четвероногими креслами трёх ярких цветов пластика, привязали сюда электрическую музыку...

От неожиданности и темпов преобразования окружающей действительности хотелось протрезветь. Всё было сделано так толково и расчётливо, без суеты и наплыва эмоций, что всем сразу захотелось есть, и пить, и вообще отметить кому-нибудь какой-нибудь день рождения. Такая уверенная реконструкция привычного для нас стиля жизни удивляла и настораживала своей технологической простотой решения.

Примерно через час природа была готова ко всему, вплоть до безрассудства, которое уже просматривалось в нашей возрастной группе. Правда, на столы накрывать не стали, сообщили, что основная часть, посвящённая памяти моего дня рождения, состоится после крепкого сна всего коллектива. Так что ещё несколько часов мы могли спокойно пускать слюни.

Первым проснулся Жорес Иванович, кровать с функцией лифта обеспечила ему удачный спуск ног, и тут он не выдержал:

– Да, не ожидал, Тимофеевич, такого наступления. Круто! Думаю, мы с тобой сегодня как два пустых стакана, старых холостяка, обязаны отличиться!

– В смысле?

– Пока ещё не знаю... не придумал, но чего-нибудь хочется... выпить, что ли? И ещё чего-нибудь тоже!

– Может быть, в плен кого-нибудь возьмём?

– А что? И пленниц пытать будем известными всему миру способами? Было время, сколько мы с тобой пробоин им сделали? А, Тимофеич? Да! Сынок у тебя – настоящий начштаба, молодец, продуманный парень!

– Добрый день, дорогие соседи по сну, – сказал художник. – Вы, я вижу, товарищ полковник-генерал, проголодались?

– И что?

– Ничего, а то, что не все такие, как вы! Я, например, не пью и никогда не пил! И что вы мне теперь прикажете делать?

– Попробовать... В армии служил?

– И не собирался!

– Вот видишь, Тимофеич, человек дождался твоего дня рождения, чтобы пройти наконец курс молодого бойца!

– Да, как говорилось в фильме, «народ к разврату готов»! – подала голос шахматная душа.

Спальня заговорила знакомыми голосами, которые приводили за руку первые попавшиеся образы и ехидства, но старались относиться ко мне особенно. Всё... как-то было... немного на краю большого шухера... А я за пару секунд вспомнил сплошных бабушек и полное отсутствие дедушек, родителей и их некоторых родственников, которые перешли

по наследству и мне, со всеми их детородными достижениями, свою жену, сбежавшую в Австралию, наших детей и внуков и многое другое, что со всем этим связано. За пару секунд, не больше... А что, разве это мало? Когда прошла пара секунд, то я увидел, как Василий Павлиади вцепился своей рукой в руку Самолапова – или Самолапов решил сломать руку Павлиади в запястье? Вечер только начался? И он начался с армреслинга...

В это время все женщины находились в бигудях и не понимали тех, кто мог проводить время по-другому... Самые любознательные под разными предлогами выходили к объекту своего любопытства и, утолившись, возвращались с охапками свежих новостей в накрашенных вечной любовью клювах.

Снова появился Захар, и началось второе действие.

– Папа! – сказал он. – Ну как самочувствие? Можно приступить к торжественному заседанию революционного совета?

– Постепенно, сынок... Сейчас народ придёт в чувства, и начнём кучковаться...

Но получилось если не наоборот, то почти одновременно... И кучковались, и приходили в чувства, кучкуясь.

Прокапало немного времени, и возникли незнакомые люди, которые принялись затевать веселье и возбуждать им всех подряд, включая администрацию. Откуда ни возьмись

появились два атлета и попытались взять меня с двух сторон на руки и понести на восточный манер... Я тут же оказал физическое сопротивление и послал их на хер, с большой буквы. Один из них, с крашеной башкой, сказал:

– Ну, давай тогда, именинничек, садись в кресло, мы тебя в кресле отгарабаним.

– Ещё посмотрим, кто кого сегодня отгарабанит! – возмутился я и, как в старые добрые времена, хотел пошатнуть белобрысого хуком справа... Но немного не доработал... хотя и на хер я его послал для усиления удара.

В это время второй решил обхватить меня сзади, но с криком: «Бушманский! Держись!» – на них налетели четыре голых, бесстрашных и безжалостных рыси... Кричала Софья Леонидовна. Рвали их на куски – все! Вот это начало! Вот это бойцы! А чувство товарищества? Мужики в это время вместе с непобедимым полководцем уже рассаживались под тентом в ложе самых званных. Мгновенно возник Захар с человеком – «бациллоносителем веселья» и уволил неуклюжих атлетов из нашей жизни.

– Ты же знаешь, – сказал я ему, – я не люблю, когда меня мацают, особенно в день памяти моего дня рожденья. Куда меня нести? Зачем? Тем более что я боюсь высоты.

– Папа, ты что, ещё можешь и в глаз дать?

– Случайно...

– Лучше бы ты его на хер послал. Хотя извини – произошла технологическая оплошность. Пошли к столу! А девуш-

ки? Девушки! Сейчас таких нет! Хищницы! Дружинницы!

Под фанфары таких комплиментов, разнофигурно и победоносно, мы подошли к съедобной части события сложившимся квинтетом. Из двух ёлок умышленно вышла музыка и, немного постояв, тоже присела рядом и больше никуда не отлучалась.

Все расселись как пришлось и некоторое время смогли пообсуждать стычку, разглядывая на столе то, что Захар послал.

Потом грянули тосты, но затем, перестроившись, пошли по цепочке... Молодые и обаятельные официантки крушили обаятельностью не только волю мужчин, но и воспоминания дедсадовских женщин, хотя особых антагонизмов не наблюдалось и всё шло мягко, с танцами и короткими выступлениями художественной самодеятельности.

Постепенно Берзень станцевал столько танцев с инструктором по китайской гимнастике, что и она поняла, что стоит за этим количеством. Похоже, по этой причине неожиданно приехала его жена и тоже станцевала с ним профилактический блюз перед самоуверенным отъездом. Событие оказалось зрелищным, а зрелищность раскрепощена и малопредсказуема.

Я смотрел на всё это с благодарностью к сыну; несомненно, нам чего-то такого не хватало... Ещё бы: осколки поколения, мы походили на чудом уцелевшие сувениры «Союз – Аполлон», подстаканник в честь партсъезда КПСС, тарелку

«Миллион тонн кубанского риса», ситечки, щипчики, блюда и чайнички из разномастных сервизов.

Союз нелепостей, лишённых каких-либо планов на будущее... И скрашивали это лишь некоторая буржуазность и веселость происходящей постановки.

Немного позже в дедсад стали подтягиваться дети или их представители, нас пытались разобрать по домам, но мы аргументированно сопротивлялись... И тогда они подсаживались к столу... И появлялось ощущение, что не все сервизы перебиты, что получается стилистическое пополнение образов. В первую очередь за счёт отпочковавшихся от нас – нас или почти нас, в какой-то степени нас, но уже в совершенно другой интерпретации судеб.

Хороши были все, даже те, которым было нельзя. По большому счёту, нельзя было всем, и поэтому все были хороши.

После четырёх рюмок Павлиади продолжил беспорядочно предлагать соревноваться в армреслинге. В конце концов его спортивная карьера нарвалась на серьёзного претендента, и Жорес Иванович с возгласом: «Вот кому я сейчас рогат пообломаю!» – собрал вокруг этого поединка активных ротозеев. И когда Василий Спиридонович по всем правилам свернул руку полководца, зритель разразился эмоциями, а Жорес Иванович ушёл от позора и вернулся только через полчаса, когда Павлиади уже умер.

Он умер как всегда неожиданно, от счастья победы, перенапряжения и последней рюмки. Заваливаясь без чувств, он

успел произнести:

– Карету мне, карету...

Приехала карета скорой помощи, сделала укол, и он влюбился в первую попавшую в поле зрения медсестру, ту, которая дала ему за одну тысячу рублей ещё одну путёвку в жизнь. Скоропостижность смерти и скоропостижность жизни совершенно непостижимым образом соседствовали в этом человеке и даже иногда делали его выдающимся.

Жореса Ивановича привёл шахматист. Полковник-генерал, переживший внезапною вспышку аллергии, был с красными глазами. Оказавшись за столом, он попросил водки, после чего все дети сказали своим родителям:

– А тебе хватит!

Родители согласились и взяли свои рюмки, в которых было что попало и что осталось.

– Ну, за победу поражения! Я бы так сказал, – провозгласил Жорес Иванович, глядя на своего победителя, демонстрирующего всем физический этюд «Возрождение Феникса». Растратив небольшую паузу, подмигнул ему красным глазом, выпил и запел: – Парня в горы возьми, рискни!

– Там поймёшь, кто такой, – подхватил «бэк-вокал».

И тут, прямо в сакраментальной песне, мне захотелось сказать авторский тост. Берзень по-прежнему танцевал с инструктором по китайской гимнастике, и теперь в этой непрекращающейся танцевальной сцене просматривалась интонация из фильма «Загнанных лошадей пристре-

ливают, не правда ли?»

Официантки влились в атмосферу полностью и перевели обслуживание на «шведский стол». Их интеллектуальный уровень решили потрясти сразу двое – Самолапов с художником. Захар пару раз куда-то уезжал и приезжал с дочерью Светланы Андреевны, но меня бдил и ни в чём не подозревал.

Итак, я влез в песню в то время, когда некоторые слова уже придумывали по ходу, лишь бы наполнить мотив.

– Ребята! – сказал я. – Я всем благодарен, начиная от мамы с папой, а также жене, которая уехала в Австралию и оставила меня на Захара. Всем вам, потому что мы встретились с вами в одно время в одной географической точке и, невзирая на разную «поколенность», прожили чуть-чуть вместе, как могли... А теперь давайте будем строить планы, не потакать общественной системе, которая востребованных людей не всегда ценит, а вопреки пессимистичным прогнозам геронтологов и медицинской статистике – давайте строить планы! Иначе, смею вас уверить – завянем! Врите всем о возрасте и живите в том, который вам больше всего подходит, остальное оставьте администрации Бога. Бурные и продолжительные аплодисменты, переходящие в поцелуи!

Так и вышло, нас уже можно было расселять по планете, распространять уживчивость и дальнорукость.

– Бушманский! Я тебя курить учила? Кольцами? – неожиданно заявила Светлана Андреевна.

– Да! Учила, именно кольцами.

– А ты не сподобился меня разглядеть? Люди! Я выхожу замуж!

– Началось... В кои-то веки хорошенькое вышло баловство, и то лопнуло... – развёл я руками, и весь пенсвзвод насторожился. – Кто этот несчастный?

– Я прошу руку и сердце у Бушманского, по-моему – эта выходка к месту и дорогого стоит. И потом, я на самом деле хорошая, – закончила Светлана Андреевна.

– А что? – сказал Жорес Иванович.

Честно говоря, такого жизнь совершенно от себя не ожидала, а её комментаторы тем более...

– А что? – спросил я у лучших представителей всего человечества.

– Горько! – намекнул «бэк-вокал».

И музыка вспотела от непрерывно танцующей пары в бессмысленном магнетизме человеческого существования. Тут же, у нас на глазах, не спеша проходила весьма помолодевшая жизнь, и каждому из нас она казалось своей. Все фамилии ей были известны и судьбы тоже.

Жизнь замечательных...

Горцы

Комната была закупорена. За циркуляцию воздуха отвечали два клапана – форточка и дверь. Форточка стояла у чугунной батареи, а её место было заклеено куском ватмана, который превращали в «сито» шариковыми ручками. Осенью поверх приклеивали другой ватман, и считалось, что невинность окна восстановлена. Сейчас было «сито» – это значит, наступила весна или, может быть, даже лето...

С дверью было сложнее – она много раз падала навзничь, но в объяснительных на имя коменданта утверждалось, что всякий раз она это делала сама, без посторонней помощи... Сколько раз падала, столько раз её и присобачивали... Дело дошло до того, что со временем ей пришлось жить, как сторожевой собаке. Могла впустить или не впустить внутрь...

Никто не помнил, как и с кем Шама (или Шамик) протёк в семнадцатую, но то, что он её занял, – это был факт. Занял он её продолжительным, но неожиданно прекращающимся сном.

Студентам он годился в отцы, но никто кроме студентов этого не видел и не понимал.

Сам Шамик чувствовал себя изнутри своего сна, и ему тя-

жело было принять то, что тело его анатомически полуразобрано и что эта «расчленёнка» никогда не закончится. Но всё оказалось не так грустно...

– Поссать! – приказал он самому себе и сам же вызвался это за себя осуществить... Уцелевшей рукой он нащупал левую руку, лежавшую недалеко, на полу, и вставил её точно так же, как вставляют оторвавшиеся руки пластмассовым куклам. Вывернул на место голову, подобрал ногу и включил ночник, который осветил внутренний мир «кубизма» своей маломощной розоватой душой. И его предчувствия подтвердились: в комнате он был не один.

– Дядя, свет-то зачем врубать? – спросила девушка, сидящая на ком-то верхом. – Виталик, это ты?

– Нет! – ответил не-Виталик.

– Слышь, «ковбойка», а я писать хочу! – взмолился Шама. – Покажи, куда! Умоляю!

– Покажу, где... По коридору держись левой стороны, там и найдёшь пункт приёма...

Дверь гавкнула голосом голодной суки и выпустила великовозрастного сыкуна. В комнате, из которой вылупился Шамик, ночь находилась в непрерывном состоянии... Свет божий состоял из смеси электрического и солнечного света и проникал повсюду, кроме семнадцатой.

В коридоре, он был длинным параллелепипедом, Шамик держался левой стороны, он прищурился и слегка подпрыгивал... Босой, больной, чужой, в атласных трусах, он пора-

жал своей независимостью и целеустремлённостью.

Народец оказался вполне дружелюбен, молод и свеж, а Шамик мысленно не сомневался, что тот и этот свет как-то перепутались и теперь правильнее бы выпить, чтобы не заостряться. Обратный путь оказался значительно лучше и мистичнее, поскольку, не зная номера комнаты, он сразу попал в семнадцатую. Резкий переход из света снова в ночь забросил его во что-то привычное и менее позорное, чем его настоящая жизнь.

В конце концов руками он нашёл себе пустую кровать и тот же самый ночник. Включил его на короткое время для последнего осмотра перед «астралом», и предчувствия опять оправдались: он был не один.

– Дядя Шамик, свет ни к чему! – сказала обнажённая наездница.

– Ты не Виталик? – спросил дядя Шамик.

– Нет! Я не Виталик!

– У вас что, здесь кино снимают? Это ВГИК?

– Это ночь! Она здесь всегда... Так всё устроено... А теперь спи...

– А где в такой ночи можно промочить глотку?.. Умираю ведь.

– Ты хочешь выпить или попить? – поинтересовалась любительница верховой езды.

– И выпить и попить, можно и наоборот!

– Посмотри в холодильнике, что найдёшь – всё твоё! –

посоветовали оба.

В итоге Шамик попил чего-то холодного и исчез из этого мира на несколько часов, оставив после себя гору обломков собственного тела, на которых сидела душа и горько подражала погорельцам. К концу некоторого времени в семнадцатую привели Виталика и спросили:

– Это твой кент?

– Хер его знает, может, когда за мной и приبلудился.

Зрители воспользовались ночником, и кто-то из них признал:

– Не, ребята, это лама! Это точно лама! Смотри в какой позе, и трусы атласные...

– Это Шамик!

– Это дядя Шамик!

– Пить! – всем своим видом произнесла человеческая загадка.

– Дайте Шамику попить! – сказал Олег Милованович, аспирант факультета, подоспевший к началу реанимационных процедур.

– Что дать? – засуетились активисты.

– Что значит «что»? Пиво, конечно... Не воду же, ёханный бабай!

– Шамик Сослов?! Рыба художественного стиля, на любой вкус, с некоторыми пупырышками... Лауреат! – охарактеризовал его аспирант.

– Это что, кличка? – физически не поверил зритель.

– Я тебе дам «кличка», придурок! Ты ещё скажи... Ничего не говори! – молвил аспирант и, повернув брови, куда-то справился...

Шамика напоили пивом и обследовали. В знак благодарности он показал пульс и язык. Пиво подействовало сразу, и так дело пошло, что ему придумали одежду, которая на треть оказалась его собственной.

А потом... потом и ещё раз потом был Петровский бульвар, и целая скамейка, пахнувшая сиренью, и газеты, подобранные специально, чтобы он узнал, который сейчас век, который сейчас год, что это за город беснуется в его воображении и в чьих он до сих пор трусах, просто из уважения к первоисточнику...

И всё-таки ещё раз... Потом подсели девушки и стали пить пиво и рассказывать друг другу обо всём, что им причитается...

– Кто даст позвонить бесплатно, того нарисую! – выступил с бизнес-предложением Шамик. Девушки прервались и безбоязненно отдали оба телефона.

Валентин Рогов разбирался в художниках с детства – отец зачал его в художественной мастерской его матери, прямо в мастерской и прямо в матери. Впоследствии он всегда говорил:

– Никогда не пей с женщиной наедине, пей всегда при свидетелях, и желательно в особых общественных местах.

К счастью, Валентину это не пригодилось, и он прожи-

вал другую жизнь, затягиваясь от предчувствия денег, которые подтекали к нему из разных источников, в том числе и от некоторых художников, атмосферу которых он унаследовал.

Шамика было жаль невероятно, надо было суметь потеряться после юбилейной выставки, и никто его не мог разыскать. Трагикомичность ситуации только усилилась, когда его наградили «заслуженной» или «народной» премией, а вручить её было некому. Кто-то сказал, что Шамик вымотался и внезапно загрустил, да так загрустил, что пропал внутри Москвы – лучше не придумашь для бесплодных поисков. Спустя пару дней Шамик сам всплыл...

– Валик, у тебя простой номер... Извини, конечно, – это Шамик... Что-то я потерялся, а сейчас на Петровском бульваре... Может, ещё пригожусь... Живу в долг у двух девушек...

– Шамик, ты Мудила Петрович! Куда тебя смыло?

– Откуда я знаю? Одно за другое зацепилось, и я, короче говоря... Вроде как уже в конце... Сильно искали?

– Мудила Петрович, тебе «народную» премию дали, а ты сдригнул...

– Валик, но всё же поправимо?

– Конечно, ты же правильный и предсказуемый, а это главное для поощрения творческой интеллигенции.

– Валик, хорош морализировать! Опять, что ли, раскололось государство, прости господи? Подумаешь, Шамик чуть-

чуть исчез. Если хотят, то наградят, если не захотят, не наградят – это же решают не зрители, а чиновники, живущие духовными интересами страны!

– Всё, вижу... Заговорил голубь... Теперь я за тебя спокоен... Давай, Шамик, я через пару часов уезжаю, так что времени только на обрезание...

– Валик, далеко или надолго?

– На полмесяца, девушке обещал показать много моря и немного гор. Всё, Шамик, спешу!

Девушки синхронно глотнули пива из коричневых бутылок и посмотрели на него свысока. Шамик самоуверенно нырнул в карман «своего – не своего» пиджака и, как фокусник, вынул неизвестно чьи пятьсот рублей.

– За человечность! – сказал он. – Но в дальнейшем теплее и без гонора, ясно?

– Спасибо! Хорошо! – сказали они, как-то на двоих.

– Я на самом деле вас нарисую! – пообещал он и повторил звонок Рогову.

– Валик! Извини засранца! Я что тебя хочу спросить или попросить...

– Шамик! Иди в жопу! Что тебе из-под меня надо?

– Ты на автомобиле?

– На автомобиле...

– Возьми, пожалуйста, на Кавказ одного замечательного человека, ручаюсь за него как за себя! Ему очень надо, Валик, туда... Очень!

– Шамик, не проблема, но кто там – мужик или баба?

– А хрен его знает. Это я, Шамик!

– Кто? Ты? Ты серьёзно? Ну купил ведь?! Купил!

– Отвези к корням, очень попрошу!

– Ладно, только я не спонсор, позаботься о себе сам... Че-

рез три часа у меня. Шамик, ты целая история! С размахом!

– Берёшь? Под салютом всех вождей?

– Под салютом... Ленина обманывать никогда нельзя!

Только без пьянки! И без друзей!

– О чём ты?

Итак, «народненькому» художнику Шамилю Сослоеву в последний момент удалось запрыгнуть в свободное «седло». Аппарат был достойный, дорогой и приёмистый, а о комфорте и говорить нечего.

– Твои-то волновались? – поинтересовался Валик, держась дороги М4.

– О чём? – спросил Шамик с заднего сиденья.

– О пучине пьянства и его последствиях... – засмеялся

Рогов, а его подруга сказала:

– Как здорово! Вместе бросимся в пучину...

– Я вообще-то не пью, – смутился Шамик. – Это была случайность и недоразумение. Я не знаю почему, но так получилось... Угораздило. А «твоих» у меня нет, уже несколько лет.

После этих слов художник стал укачиваться и, стараясь не прислушиваться к их сердечным колкостям, засыпать...

Проснулся он через четыреста километров и попросился

в туалет и чем-нибудь перекусить одновременно.

– Дождёмся заправки, старик, и если ты не против, там всё и произойдёт, – распорядился Валик. – Нам тоже не мешало бы размяться, а то одни только снеки в желудочно-кишечном тракте.

Минут через десять указатели подсказали месторождение небольшого оазиса по оказанию немудрённых услуг и естественных желаний автомобиля и человека. В кафе, занимавшем большой угол помещения, они обзавелись бумажными стаканчиками, горячим шоколадом и кофе. Всё это на скорую руку перепутывалось с круасанами и солоноватыми слойками.

– Извини, не запомнил имени, – повинился оттаявший Шамик.

– Вика! – тут же откликнулась девушка.

– Вика – это печенье... Тебе бы надо другое имя, эластичней.

– Какое печенье? – обалдела Вика.

– Какое? Овсяное. Рассыпчатое, – разглядывал её попутчик.

– Это дяденька Шамик шутит, – смеялся Рогов – О, ты его ещё не знаешь? Он такой плут!

– Чего это я плут? Объясни! Я могу быть чем угодно, вплоть до майонеза, но не плутом! Это ты, брат, не разбираешься в здоровом питании!

– Видишь, я же ещё получаю от него пинки и шпингалет-

ты? – посмотрел Рогов на свой удачный выбор женщины.

– Нет, Валик, я у тебя в гостях, так что не могу критиковать или подкалывать – это только если ты захочешь.

– Не страшно, – улыбнулся Валик Вике. – А вот сам ты способен выдержать серьёзную плюху?

– Да ладно, чего это мы? – сказала Вика.

– От тебя способен, и от других теперь тоже!

– Ну хорошо, Шамик, сам напросился, хоть это и не разговор для бензиновой заправки... Я, мой друг, помню твои работы, когда ты был молод, и горяч, и чист, потом ты стал как бесконечный шашлык!

– Вот именно! – произнёс разволновавшийся Шамик.

– Что «вот именно»? Берёшь шампур и давай низать картинки – беспроегрышная кишлячная тема! Тоска по своей исторической родине выражена? А как же! Признание любви к родному народу? Читается в каждом штрихе или мазке? А как же! Есть, Шамик, есть бесподобные картинки, я не спорю, но до умопомрачения эксплуатировать кишлячную тему?! Это невыносимо! Кавказ так накачали пафосом, что у многих это уже псевдо-Кавказ! То же самое и по русским – только там пельмени!

– Валик! Ты мне правду сказал. Ты сказал мне то, что я на выставке увидел! Я увидел этот самый шашлык и то, что я деградировал! Шамик – это шашлык! – сказал он, и слёзы навернулись у него на глазах. И это были его слёзы. Настолько его слёзы, что «печенье» расстроилось.

– Можешь потом меня зарезать, но такова игра... И потом, я давно это хотел сказать... ты рано состарился... Что-то надо делать. Я люблю лошадей и этнические мотивы, но не в таком количестве... Понимаешь, легенды и мифы – тоже не до бесконечности. Если считаешь нужным сказать об этом, скажи, но не только об этом... И главное! Где философия? Художник должен быть концептуален и этим отличаться от других. Концептуален. Шамик, напомню: нравится это кому-то или не нравится, но мы все живём в двадцать первом веке... И в нём тоже кое-что происходит и будет происходить... Как-то интересно было бы увидеть... Я тебя не учу, я от тебя жду!

– Валик, это в десятку, как легко превратиться в говно! Вика! Видишь, я уже запомнил твоё имя?

– Не надо, Шамик, не заводись, этого я не говорил. И Вику не трогай! И вообще, делай что хочешь, может из тебя что-нибудь выйдет, кроме «народненького». Я буду рад! Поехали!

– Вот именно! И приехали, и поехали, – обобщил Шамик и тихо произнёс: – Извините...

Дорога была длинная и цветная, на всём протяжении с одним узнаваемым запахом – асфальта и отработанного бензина. Больше по повестке дня никаких аналитических выступлений в «партийной ячейке» не намечалось, и все ехали на реакциях.

– Смотри, какое название у деревни!

– Куда-куда поворот? Это ж надо такое придумать!

– Смотрите, какое поле! Сколько цвета! Намазал бы и съел!

– Да, ребята, это нас обогнала машинёшка стоимостью, как трёх-четырёхкомнатная квартира в Москве.

– Под Ростовом надо бы переночевать, – решил Рогов.

Конечно, на всей территории России расположилось лето, и одно это уже не только тело греет настоящим патриотам, но и душу тоже.

Хотя у отдельного патриота уже проскользнуло.

«С этими всё понятно, но меня-то куда несёт? – заёрзал Шамик и тут же смог успокоиться: – Куда надо, туда и несёт!»

Быстро нашли маленький постоялый двор с названием «отель», который наловчился зарабатывать на путниках. Быстро свалилась ночь, и никаких апелляций... Густая и многообещающая... С неохотой показала звёзды, опять же исключительно для удобства путников, чтобы точнее выстроить навигацию жизни. Быстро поужинали и быстро разошлись спать.

Вот так и ночь, быстро подобрала юбки и быстро исчезла. Путники мявкнуть не успели, как надо запрягать, и дальше... И чем раньше, тем просветлённее и резвее. Да и машины ещё не все проснулись, а только те, что «просветлённее и резвее». Встали быстро, быстро позавтракали и стали объезжать Ростов-на-Дону, но только не доблестных гаишников,

которые ещё раньше встали и позавтракали, чтобы зоркими просветлёнными глазами следить за малейшими нарушениями правил дорожного движения. Причём делая это чистосердечно, по долгу службы, не запугивая и не намекая на санкции. Самые светлые воспоминания об этих сущих ангелах на казачьих дорогах. Играть развод – это не простая интермедия, играть тонкий развод – здесь уже нужны недюжинные артистические способности и профессиональный порыв к творчеству. Короче говоря, оштрафовали... И только через пятьдесят километров вся «партячейка» поняла, что развели... И развели красиво, остаётся только восхищаться, какие талантливые государственные служащие «едва сводят концы с концами» на провинциальных подмостках или дорогах отчизны. Без особой благодарности, без заслуженной славы, без признания самого народа.

После «благотворительной акции» ехали с любопытством и лёгкой иронией, мимо проходили населённые пункты разной величины и наружности. Иногда желания у всех так совпадали, что голосовать не успевали, останавливались и покупали абрикосы, или малину, или бумажные носовые платки...

Пока, наконец, не въехали в предгорья, затем в горы, а потом уже в настоящие горы.

Основная инженерная мысль, по которой строилась когда-то дорога и теперь существует в подлатанном асфальте, была заимствована у реки. Эта живописная взаимосвязь пу-

гала и раскачивала своей красотой. Первым прокололся Шамик...

– Рогов, как бы это сказать в переводе... Ты – абсолютно аморальный человек... Из-за твоей спешки я же ничего с собой не взял, чем поработать!

– Отдыхай, почивай на лаврах, хватит работать – кислород, никаких производств, телятников, птицефабрик, людей... Воду можно пить просто из реки, а вода ледниковая, ледяная...

– Я такой красоты не видела! И воздух на самом деле густой! – Вика глубоко вздохнула и подтвердила: – Густой! Густой!

– Пользуйтесь и запоминайте, скоро ничего этого не будет, – заметил Валик. – Или будет, но уже не то и не так... Угровище!

– Это всё из-за вас! – неожиданно обобщила Вика.

– В каком смысле из-за нас? – опешил Шамик, а Рогов посмотрел на неё, улыбаясь.

– Из-за всех мужиков! Такова философия пола – извести всё живое, но ни в чём не уступить!

– Ты где этому всему научилась, «печенье»? – спросил Рогов.

– Присматриваюсь... Конечно, мужики тоже не все милитаристы, но там все, – и она показала глазами вверх. – Они не могут быть другими, правила игры такие или правила болезни?

И тем не менее невозможно было успеть заметить всё и всему удивиться. Солнце договариваться не собиралось, чтоб помедленнее, не уговаривалось и не реагировало ни на какие частные условия. Рогов интриговал. Воздух гас и чуть-чуть замерзал, темнело свирепо и беспощадно.

– Ну что, свежеет? Скоро приедем. Это тупик. Дальше можно только по тропам и «никаким» дорогам, и то до поры... Но именно дальше... море!

Ночь разрасталась, как клякса, и глаза не успевали за её сноровкой, настолько проворно и всеядно она действовала. Заметно, что между нею и вечером здесь натянутые отношения, и она старалась не оставлять ему ни места, ни времени.

Валик включил ближний свет, и тут же за скалой появилась прямая, которая втыкалась в селение, украшенное местным электричеством.

– Электричество у них своё, от турбинки. Да, тут у них всё своё, и всё как-то по-другому, чем везде, но народ непростой. Слышишь, Шамик – это я тебе говорю, – оглянулся назад Валик. – Ты же у нас теперь специалист по внедрению в другие сообщества?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.